

ЧЛЕНЫ НАШЕЙ РЕДКОЛЛЕГИИ ЗА РУБЕЖОМ**ЯНМОЛЕМА -
ГОЛЛАНДСКИЙ АРХИТЕКТОР**

ЯН МОЛЕМА, профессор, старший научный сотрудник факультета архитектуры Технологического университета, г. Делфт, Нидерланды, профессор Новосибирской академии архитектуры и искусства.

О себе:

Место рождения — г. Ассен, 18 сентября 1935 г.

Средняя школа в Ассене.

Политехнический колледж в Амстердаме.

Академия архитектуры в Амстердаме.

Технологический университет в Делфте.

1969 год — инженер-архитектор.

1987 год — доктор технических наук (Антонио Гауди).

1986—1998 гг. — председатель Фонда анализа зданий, после этого вице-председатель по международным связям. Автор нескольких книг, статей и выставок на голландском, английском, немецком, испанском, русском и японском языках о целом ряде архитекторов, таких как Йоханнес Дуйкер, Ян Герко Вибенга, Хендрик П. Берлаге, Антонио Гауди, Джозеф Джуйоль (в соавторстве) и Брюс Гофф, а также о Новом Движении в Нидерландах и амстердамской школе.

Поддерживаю международные контакты по Новому Движению с городами России и некоторыми другими странами.

Лекции за рубежом: США, Канада и Мексика, Аргентина, Бразилия и Чили, Испания, Франция, Бельгия, Италия, Германия, Греция, Словения, Чехия и Россия.

Работаю архитектором и дизайнером сценических конструкций в собственном офисе.

Работаю над книгой по строительству в Нидерландах в XX веке.

Являюсь инициатором и ответственным за выполнение программы совместно с российскими партнерами по восстановлению архитектурного наследия на Урале и в Западной Сибири, осуществляемой при финансовой поддержке Министерства образования, культуры и Министерства иностранных дел Нидерландов.

Говорю на голландском, английском, немецком, французском и испанском языках.

Ян МОЛЕМА

ПРОСТЫЕ СЕКРЕТЫ СЛОЖНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Я родился в Ассене, столице Дренте, одной из беднейших северных провинций Нидерландов, в 1935 году. Я был старшим из трех детей; в год моего рождения родители открыли магазин по продаже велосипедов, и первое время дела их шли хорошо. Но экономический кризис, мобилизация и война, а затем мучительное для моего отца восстановление после немецкого лагеря сильно осложнили жизнь семьи. Тем более я должен быть благодарен им за все усилия, которые потребовались, чтобы отправить меня в лучшую школу маленького провинциального городка. В школе учились дети всех социальных слоев как из самого городка, так и из близлежащих деревень. Это научило меня приспосабливаться, при необходимости, к различным видам «окружающей среды», но в то же время привело к определенной потере личности, так как я не знал, к какой социальной группе принадлежу, хотя и догадывался, что должен принадлежать хоть к какой-нибудь.

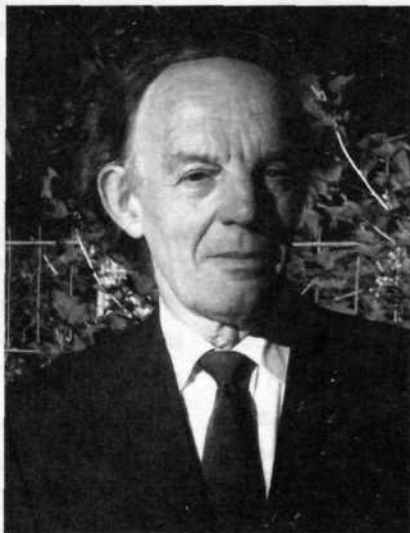
Думаю, что я смог преодолеть эту неопределенность. Как бы то ни было, когда мне было 18 лет, семья переехала в столицу страны, легендарный Амстердам. Этот переезд сыграл значительную роль в жизни нашей семьи и в моей утрате невинности. Переезд в «Рандшгадт» также знаменовал начало моей профессиональной карьеры. В Ассене, маленьком городке с населением не более 20000 жителей, не было значительных архитектурных памятников, хотя брат Наполеона Бонапарта, Луи Наполеон, король Нидерландов, во время

оккупации нашей страны французами наделил Ассен правами города за его красивые «дворцы». С точки зрения градостроительства городок очарователен, его очень украшают потрясающие старые деревья, растущие на общинной земле. Этот маленький парк когда-то был центром сельскохозяйственной коммуны,

находившейся в общественном пользовании. Эта земля не принадлежала какому-то конкретному человеку. (Я думаю, что стоит изучить древние деревни Дренте с точки зрения их аналогии колхозам.) «The Asser Brink», как называют это место в провинции, окружено развалинами средневекового женского монастыря, бюргерскими домами XVIII века, помещичьими домами в стиле неоклассицизма; там же находится и Палата провинции, выстроенная в неоготическом стиле. Все эти здания, в свою очередь, окружены отдельными рвами, кото-

рые служили ограждением монастырской общины Maria in Campis до реформации.

Конечно, Амстердам был совсем другим. Настоящий город, полный «опасностей», в нем была такая градостроительная культура, что мальчик из провинции не мог постигнуть ее в течение многих лет. Я был счастлив, погрузившись в волнующую жизнь большого города, я смог посещать занятия в политехническом колледже, где голландские преподаватели заражали студентов своей любовью и знанием архитектуры. Тем не менее учеба здесь не давала возможности стать архитектором, а я решил стать именно архитектором. Уже в школе друзья го-

ворили мне, что мне нужно быть архитектором. Действительно, все мои рисунки, которые я рисовал во время уроков, были связаны с архитектурой.

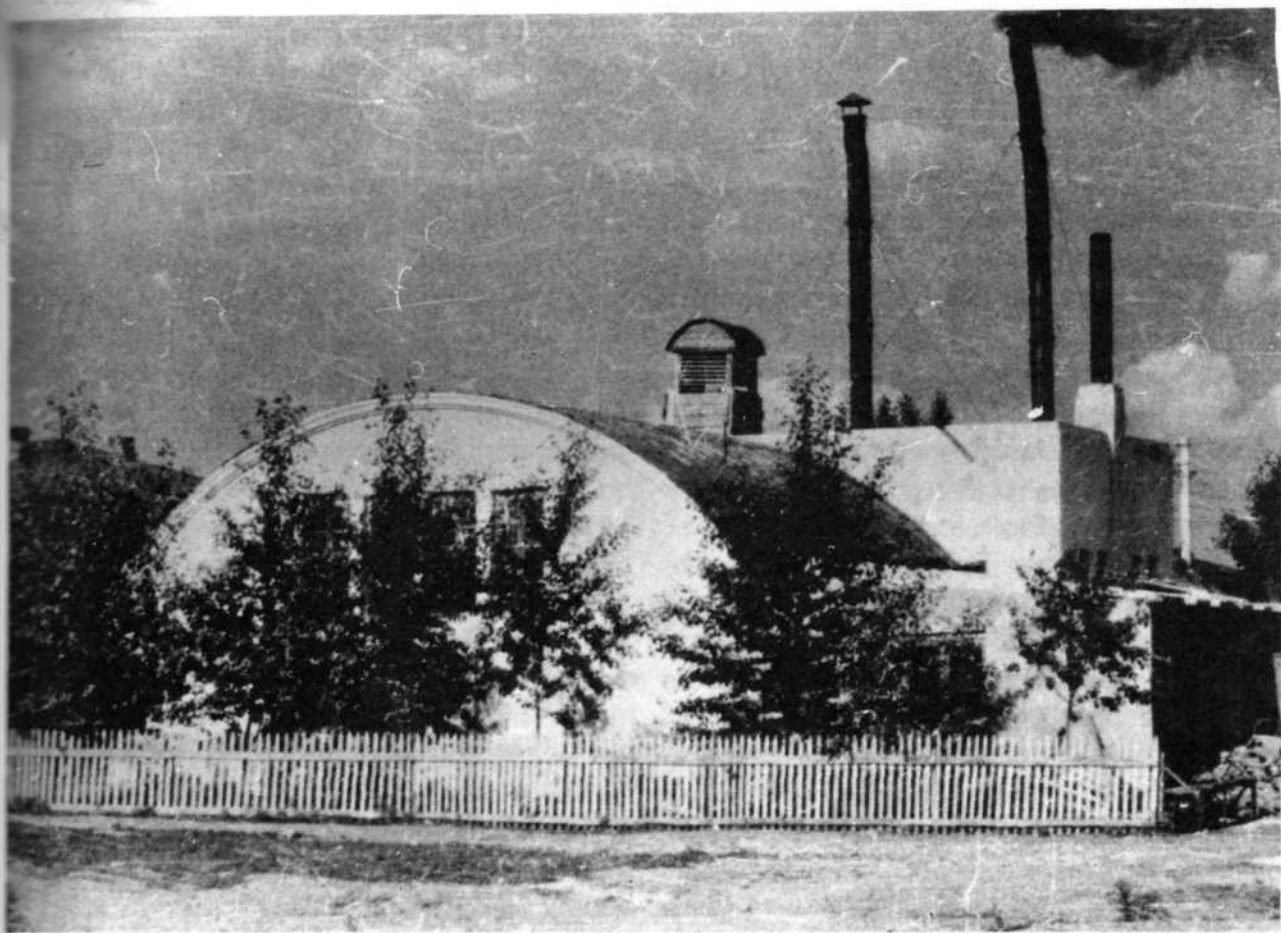
Возможно, это решение пришло во время каникул, проведенных в Амстердаме и Роттердаме, когда мне было одиннадцать и пятнадцать лет. Роттердам произвел на меня ошеломляющее впечатление. Шаг за шагом застраивался огромный пустырь на месте бывшего центра города, который был почти полностью уничтожен немецкими бомбардировщиками в 1940 году. Вырастали современные здания, такие как Groothandelsgebouw, принадлежавшие крупным оптовым фирмам. Не верилось, что грузовые машины для разгрузки товаров будут подниматься по пандусу до уровня третьего этажа. Даже по прошествии времени мы все же живем в плоской стране. А мальчиком я не видел домов выше 3-4 этажей, не знал лифтов. В Ассене был только один светофор.

После окончания политехнического колледжа и военной службы, о которой я предпочитаю не вспоминать, отработав два года чертежником у архитектора Пита Занстра, который, между прочим, лично знал Ван Лохема, и год в музее Зюддерзее в Энхьюзене над проектом музея под открытым небом, я наконец осмелился навести справки, позволит ли учеба в архитектурной школе Технологического университета Делфта стать архитектором. Ответ был положительным. Хотя большинство профессоров школы принадлежали к консервативному Делфтскому движению, были ревностными католиками и отвергали все прогрессивное, все же были там и прогрессивные архитекторы. Кстати, к этой группе до самой своей смерти в 1940 году, в начале Второй мировой войны, принадлежал и Ван Лохем. Именно они развили мой интерес к архитектуре: Ван ден Брук, Бакема, Холт и Ван Эстерен. Тем не менее, разочарованный результатами своей работы в качестве дизайнера в первые годы, я решил заняться исследованием работ основоположников архитектуры. Я начал читать работы знаме-

нитого французского «модерниста» Корбюзье и изучать его теорию пропорций. Это дало свои результаты. На очередном экзамене по дизайну я получил наивысшую оценку. С тех пор я понял, что архитектура должна иметь дело с системой (как в яростном крике Гамлета: «...в ее безумии система...»). С тех пор у меня практически не было проблем с дизайнерскими проектами, если только меня не проверял один из тех консервативных профессоров, которые считали, что архитектура - это результат высшего вдохновения, ниспосланного Богом или самим профессором. (Позднее у меня были проблемы с заказчиками и подрядчиками, но это уже другая история.)

Закончив обучение, я в течение нескольких лет работал свободным архитектором. Я также успешно работал над сценическими дизайнами для нескольких крупных театральных компаний. Но большую часть времени занимала работа на факультете профессором строительных конструкций. Вместе со своими студентами я начал собственное исследование, которое должно было показать студентам, что хорошая архитектура есть хорошие конструкции. Для этого мы исследовали работы известных архитекторов. Такая работа позволила побывать во многих местах. Мы побывали в Испании и в Сибири. В Испании я узнал, что архитектура может достичь высшей степени сложности. От великого испанского архитектора Франсиско Саэнс де Оиса я узнал разницу между хорошей и плохой архитектурой: хорошая архитектура сложна, а плохая архитектура осложнена. Это как в политике: плохие политики с большим шумом производят переполох в нашем обществе. Хорошая архитектура может выглядеть очень просто, но содержать множество секретов. Секреты обнаруживаются лишь при тщательном рассмотрении здания.

Проницательные читатели альманаха поймут, что я имею в виду работу Ван Лохема в Кемерове. Это действительно так: сейчас передо мной старая фотография из альбома Шуурла (Schoorl), на ко-

• Рудничная баня

которой изображено здание бани АИК «Кузбасс». Овальная форма фотографии говорит о том, что фотограф понял подлинную красоту этого здания и особенность его формы. Кажется, фотограф хочет повторить форму свода здания бани. Уже это является доказательством качества работы Ван Лохема. Почему там такое высокое качество, почему здание бани такое индивидуальное или, скорее, такое специфическое?

Направляясь из дома в Гаагу, резиденцию королевы и правительства, проезжаю по улицам города Делфта, города Вермеера и Левенхука, вдоль канала, который строили еще римляне, вижу слева здание водоотливной насосной станции, построенной в XIX веке в неоготическом стиле. Спустя неко-

торое время при въезде в Гаагу также слева вижу другое здание девятнадцатого века - здание поста у заставы, построенное в стиле неоклассицизма. Ван Лохем, будучи студентом, должно быть, совершал в начале XX века такое путешествие много раз, направляясь на концерт из Делфта в Гаагу. Оба здания были в то время весьма типичными: они выглядели как небольшие дворцы и имели центральный основной корпус и два крыла. Такого типа здания могут иметь любые размеры и быть выполнены в любом стиле, необходимо только, чтобы здание было симметричным и пропорциональным. Также и функции, которые выполняет здание, должны быть, по возможности, симметричными, хотя часто (что очень плохо) крылья здания выполняют совер-

шенно разные функции. Такой современный архитектор, как Ван Лохем, никогда бы этого не допустил. Форма определялась функцией.

В классическом стиле и стиле барокко зданию, если оно имеет особое значение, также будет придана симметрия. По обеим сторонам должны быть расположены одинаковые здания, имеющие вспомогательное значение. Такое расположение было «в моде» в фашистских обществах. Ван Лохем должен был бы построить только симметричное здание, если бы внутреннее назначение диктовало это. Он не стал бы создавать вокруг здания симметричное окружение, как мы видим это в Кемерове и в других городах Кузбасса, где Ван Лохем работал.

У меня нет информации, как функционировало здание в самом начале, но по внешнему виду я должен предположить, что здание имело симметричную функцию. Если это не так, отправьте меня обратно в школу!

Специфична форма крыши обоих крыльев здания. Ван Лохем хотел сделать своды из бетона, а это значит, что он должен был создать очень современную конструкцию так называемых раковин (оболочек?), самых тонких самонесущих сводов. Уже только этот факт позволяет отнести здание к самым важным памятникам Кемерова, который, несмотря на долгие годы забвения, может выглядеть весьма интересно. А сейчас посмотрите еще раз внимательно на фотографию бани из альбома Шуурла - ваша баня просто красавица, не так ли? Тщательно спроектированная, тщательно построенная, если принимать во внимание трудности, которые пришлось преодолевать Ван Лохему. Насколько тщательно здание было спроектировано, мы можем судить по замерам, выполненным недавно группой кемеровских архитекторов, возглавляемых нашим другом Зюзьковым. Без сомнения, их чертежи также показывают и отклонения от проекта, которые возникли при строительстве здания. Как я уже отмечал в одной из своих предыдущих статей, Ван Лохем использовал систему замеров и пропорций в каждом из своих зданий, очевидно, и в этом тоже.

По всей видимости, в качестве базового элемента он взял размер оконного стекла $62,5 \times 62,5$ см, как это было при проектировании школы. (Фактически размер самого стекла был 61×61 см, как он сам писал позже, но нужно прибавить 1,5 см на деревянную раму.)

Как бы то ни было, в качестве одного из множителей мы везде находим цифру 62,5: высота $8 \times 62,5 = 5,00$ м, ширина $16 \times 62,5 = 10,00$ м, длина $16 + 10 + 16 = 42 \times 62,5 = 26,50$ м. И хотя в это трудно поверить, имея чертежи, выполненные на основе современных замеров, все окна можно вычестить из этой системы. Более того, можно найти первоначальное окно в одном из зданий Ван Лохема на территории коксохимического завода, расположенного на другом берегу реки Томи.

Два крыла были выполнены в виде двух тонких туннелеобразных оболочек, каждая из которых поддерживается двумя арками на расстояниях 2,50, 5,00 и 2,50 м, снова кратных 62,5 см (размеры теоретические, взятые по оси стен). Центральный блок напоминает собой двойной куб с размерами 5,00 м (высота) на $6,25 \times 12,50$ м, очень абстрактный, слегка усеченный на уровне крыши. Ее красиво венчают труба над кочегаркой со стороны входа и две детально проработанные вентиляционные шахты. Закругленные крыши были тщательно покрыты пластинами из цинка или другого подобного материала.

До нас дошли только черно-белые фотографии, а цвет и фактура очень важные факторы архитектуры, поэтому при изучении здания бани каждый из них должен быть тщательно исследован. Многие склонны считать, что такие архитекторы, как Ван Лохем, предпочитали строить белые, абстрактные здания, а это неверно. Можно предположить, что здесь был использован один из минеральных красителей. Во время реставрации с помощью современных методик будет нетрудно вычислить первоначальный цвет. А реставрацию нужно проводить обязательно, поскольку речь идет об одном из самых важных архитектурных памятников Кузбасса.